

Советские Искусство

Июль 1935

Москва

с. МАСТЕРА ЭСТРАДЫ

ПЕТР КУРЗНЕР

ПОСЛЕДНИЕ полтора-два года на ленинградской эстраде весьма последовательно укрепляется репутация и популярность П. Я. Курзнера. Его привлекательное и сильное дарование с упорной прямолинейностью пробивается сквозь всяческие эстрадные тернии и чертополохи, упрямо пролагая дорогу новому жанру, более того — новому стилю: нашей разговорной политической эстрале.

П. Курзне.

В чем же новизна и особенность жанра, столь успешно выращиваемого ленинградским Курзнером? Что же обеспечивает ему такую неоспоримую и своеобразную «персональность», что сама собой заходит речь о рождении нового исполнительского стиля? Где причины этой удачи?

★

Что бы там ни говорили, все же эстрада наша имеет уже кое-какие неоспоримые и притом серьезные завоевания. Завоевания эти прежде всего достигнуты в области разговорных жанров. При этом, позволив себе некоторую условную схематизацию, можно сказать, что движение в разговорном цехе эстрады шло по двум магистралям: художественного рассказывания и публицистического фельетона.

На переднем плане эстрады постепенно выросли две фигуры: ттецрассказчик и фельетонист-публицист. Первый — во всеоружии своеобразной актерской техники, оживляя лучшие страницы мировой классики или передовой советской литературы, стремится создать большой художественный образ. Второй тяготеет к публицистическому очерку, к гражданской патетике и политическому пафосу, к тематически пестрому, «многоплановому» фельетону, к своеобразному зловещему монологу-обзору, быстро и бегло скользящему по явлениям «нашей быстротекущей жизни».

П. Курзнер очень органично и очень своевременно соединяет воедино достоинства этих двух направлений нашей разговорной эстрады. Он заимствует от художественного рассказывания — его художественное образотворчество, его художественно-образную систему, наконец его сюжетную силу. От лучших образцов нашего публицистического фельетона он берет их политическую боеспособность, их гражданскую патетику и подкупающий гражданский гнев. Так возникает новый жанр и новый исполнительский стиль ленинградца Курзнера — жанр типично эстрадного, конденсированного, лаконичного и скупого художественного рассказа о делах и людях революционной эпохи, раскрываемого через художественные образы и горячо согреваемого активным публицистическим партийным отношением к делам и людям революции. О Курзнере можно сказать, что среди наших рассказчиков он единственный рассказчик-публицист, рассказчик-трибун, а среди наших лучших «публицистов

эстрады» он единственный публицист-художник.

Герой Курзнера — подтянутый, собранный, волевой человек революции, боец и соратник нашей борьбы. Возможно, что в прошлом он дрался за Чонгар или распространял наши прокламации в тылу у Колчака. Вероятно, он очень активно дрался за высокие производственные показатели, когда ЦК партии в специальном обращении призывал к борьбе с прорывом первых промфинпланов первой пятилетки. Посмотрите на него, коренастого, крепкого, плечистого, энергичного, с выразительной сидящей головой и слегка насупленными бровями, — ведь это же наш, свой, насквозь советский человек!.. И если позволительно говорить о новом в старых терминах, то надо сказать, что именно такой облик волевого советского человека составляет на сегодняшний день неожиданную и необыкновенную «эстрадную маску» Курзнера.

От лица этого волевого человека революции, от имени и именем его переживаний, в которые веришь, как в большую правду, Курзнер своим хриповатым, с легкой сыпотой, глухим голосом взволнованно и страстно рассказывает о бойцах и соратниках революционной эпохи — или, точнее, не рассказывает о них, но показывает их в эмоциональном образном выражении. От имени моряка — бывшего подпольщика — рассказывает он о революции во флоте (рассказ Боганова «Все наверх!»). От имени такого же человека рассказывает он о дисциплине на советском корабле, ушедшем в заграничное плавание («Романтика» Зельцера). От имени активного участника этого памятного этапного переезда в теплушках (уж не комиссара ли?) он припоминает серьезные, этапные моменты перестройки людей в огне революции («Обида» Зорича). От имени секретаря парткома одного из наших завод-гигантов он ведет горячий призывный рассказ о внимательном и чутком отношении к людям, которые представляют собою самый ценный, самый важный капитал («Марина Карабанова» Тевелева).

Вот он стоит на эстраде, в простом, обычном, житейском, слегка поношенном костюме, в меру угловатый, в меру «повседневный» (как далеко это от стандартной эстрадной «разутюженности с прибором!») и с большой и глубокой внутренней сосредоточенностью, именем человека революции, без всякого следа эстрадных закругленных назойливостей, сухо, скупно и достойно показывает в художественных образах людей нашего времени, незаметно подводя все к значительным и серьезным публицистическим выводам. В мягкой актерской трактовке, путем двух-трех характерных черточек и интонационной окраски речи, специфически эстрадными ограниченными приемами, донося публицистичность через эмоцию, делает он свое большое и нужное творческое дело, этот ттецактер, публицист-художник, рассказчик-трибун.

★

П. Курзнер принадлежит к немногочисленному разряду людей, которые меняют профессию — или, точнее сказать, часто меняют свою популярность.

Оперный актер Мариинского театра, участник мейерхольдовской постановки «Каменного гостя» Даргомыжского (1917 г.), в которой он пел Лепорелло в ансамбле Черкасской Збруевой, Алчевского и Тартакова, он перешел в первые годы революции в драму, довольно заметно выдвинувшись в театре Грановской и Надеждина, чтобы затем перейти в Ленинградский радиоцентр и завоевать большую популярность на волне РВ-50 или РВ-70, и, наконец, после работы в киноателье, оказаться на эстраде, где он работает совсем недавно — всего три, много четыре года.

Нет спору, что выработка его выразительных средств на эстраде сильно способствовала эта необычайная тренировка в пяти совершенно различных областях искусства. Но все же главное — есть новизна приема и, как солнце, животоворящая, большая и глубокая идейная правда.

ЕВГ. КУЗНЕЦОВ